

Я. С. ЛУРЬ Е

ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ПОБЕДЕ НАД НОВГОРОДОМ В 1471 г.

Поход Ивана III на Новгород в 1471 г., завершившийся поражением новгородцев на Шелони и Коростынским договором, получил в великокняжеском летописании более подробное обоснование, чем большинство других политических действий московского князя. Рассказывая об окончательном присоединении Новгорода в 1477—1478 гг., летописец почти не озаботился тем, чтобы дать такое обоснование: лишь в своде 1479 г. появилась весьма странная история о приезде в марте 1477 г. новгородских послов и подвойского Назара и дьяка Захара «бити челом и называть себе их государи». Поход на Новгород осенью 1477 г. объяснялся тем, что новгородцы якобы в конце мая того же года отказались от собственного челобитья. Сопоставление свода 1479 г. с текстом великокняжеского свода, доведенного до конца мая 1477 г., обнаруживает, что вся история с челобитьем в марте и отказом от него в мае первоначально отсутствовала в официальном летописании и была интерполяцией, внесенной задним числом в свод 1479 г. несомненно для того, чтобы мотивировать уже совершившееся завоевание.¹

Иначе обстоит дело с предшествующим походом 1471 г. Поход этот описан в пространным рассказе, появившемся в великокняжеском летописании еще в 1472 г. (в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях) и воспроизведенном последующими сводами (Московским сводом 1479 г. и др.).² Этому же походу посвящен и не менее обширный памятник, имеющий характер отдельной повести, — «Словеса избранна от святых писаний, о правде и смиренномудрии, еже сотвори благочестия делатель благоверный великий князь Иван Васильевич... даже и о гордости величавых мужей новгородских...».³

¹ Подробнее см.: Лурье Я. С. К истории присоединения Новгорода в 1477—1479 гг. // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 89—95.

² ПСРЛ. М.: Л., 1962. Т. 27. С. 128—135 (Никаноровская летопись); 1959. Т. 26. С. 229—242 (Вологодско-Пермская летопись); 1949. Т. 25. С. 284—293 (Московский свод конца XV в.). — Из более поздних летописей тот же рассказ включают Симеоновская, Иоасафовская, Никоновская и Воскресенская летописи.

³ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 1—15, 194 (Софийская I и Софийская II летописи).

Основное построение двух московских рассказов о походе 1471 г. в общем сходно и отражает официальную позицию великокняжеской власти. Исходным моментом в конфликте 1471 г. оба рассказа считают спор об избрании новгородского митрополита — преемника умершего в ноябре 1470 г. владыки Ионы. Сторонники Москвы в Новгороде отстаивали кандидатуру Феофила, намеревавшегося обратиться за утверждением («постановлением») к московскому митрополиту Филиппу; противоположная сторона предлагала другого кандидата («Словеса избранна» приводит его имя: «... лукавый чернец Пумин»), желавшего получить постановление от соперника Филиппа — Григория, возглавлявшего митрополию в Киеве.

Оба рассказа связывали церковную распрю с внешнеполитической позицией Новгорода. Поскольку Киев входил в состав Польско-Литовского государства, то противники Феофила рассматривались как приверженцы «короля польского и великого князя литовского» Казимира. Великокняжеский свод утверждал, что после избрания Феофила «злодейци» — «противници» великого князя «посол свои послаша к королю», прося, чтобы тот «господарю нашему Великому Новгороду и нам господин был»; король «князя послал на Михаила, Олелькова сына, киевского». «Словеса избранна» ничего об этом посольстве не сообщают, но также упоминают о приезде Михаила после описания спора из-за утверждения Феофила архиепископом, хотя и прибавляют, что новгородцы взяли у «латинского держателя» князем в Новгород «киевского князя Михаила Александровича» «преже того».

Различается и характеристика пролитовской партии в обоих рассказах. В великокняжеском своде ее представители именуются: «посадничии дети Исакова Борецкого с матерью своею Марфою и с прочими иными изменники». Названная здесь вслед за своими сыновьями Марфа Борецкая в рассказе этого свода о событиях 1471 г. больше уже не упоминается; ее имя возникает на страницах великокняжеской летописи еще только один раз — под 1478 г., когда при перечислении репрессий в Новгороде после окончательного падения республики указывается, что «князь великий велел поимати боярыню новгородскую Марфу Исакову да внука ее». «Словеса избранна» — единственный памятник исторического повествования, где Марфа Борецкая занимает видное место.⁴ Дьявол, говорится здесь, «вниде у них в злочитриву жену в Марфу Исакову Борецкого, и та окаянная сплется лукавыми речьми с литовским князем с Михаилом, да по его слову хотячи пойти замужь за литовского же пана за королева, а мыслячи привести его к себе в Великий Новъград, да с ним хотячи владети от короля всею Новгородшою землею». Версия эта вполне соответствует всему стилю «Словес избранных»: гре-

1910. Т. 20. 1-я пол. С. 283—296 (Львовская летопись); Л., 1925. 2-е изд. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 498—512 (Новгородская IV летопись по списку Дубровского).

⁴ Марфа Борецкая упоминается еще в житийном памятнике — Житии Зосимы Соловецкого (Великие Минер четии. Апреля 8—21. М., 1912. Стб. 538).

ховность «величавых мужей новгородских» с очевидностью доказывает «прельщением» их «лукавой женой»; Марфа сравнивается с Иезавелью, Иродиадой, византийской царицей Евдоксией и библейской Далилой.⁵ Заметим, кстати, что именно из «Словес избранных» образ Марфы-посадицы, как едва ли не важнейшей политической фигуры Новгорода времени его падения, вошел в историографию и литературу нового времени.

В дальнейшем изложении также может быть отмечено важное различие между двумя рассказами. Великокняжеский свод упоминал о соглашении новгородцев с королем в самом начале рассказа. «Словеса избранные» помещают соответствующее упоминание в конечной части, уже после описания наступления московских войск и победы на Шелони 14 июля 1471 г. Именно после этой победы московские воины, утверждая «Словеса избранные», «смотряще обретоша в кошевых выюех у них списки, в них же бяше писано с королем новгородское докончанье; они же сия видевши и подившася, да в той час послаша к своему государю к великому князю...». Великокняжеский свод, подробнейшим образом описавший Шелонскую битву, ни одним словом об этом важном трофее не упомянул.

Расхождения в известиях великокняжеского летописания и «Словес избранных» объясняются, очевидно, тем, что сочинения эти возникли в разных кругах. Древнейший текст «Словес избранных» читается в Бальзеровском списке Софийской I летописи, основной текст которой доходит до 6964 (1456) г., далее помещены известия 6968 (1460)—6970 (1462) гг., а затем после значительного перерыва под 6979 (1471) г. — «Словеса избранные». По всей видимости, перед нами последний памятник самостоятельного митрополичьего летописания, образовавшегося в конце 50-х—начале 60-х гг., и «Словеса избранные» как бы завершают традицию этого летописания. Впоследствии «Словеса избранные» были включены в состав летописей первой трети XVI в. — Софийской II и Львовской и Новгородской летописи по списку Дубровского (свод 1539 г.). Митрополит Филипп I был в 1471 г. всецело солидарен с Иваном III (являясь, вероятнее всего, одним из вдохновителей похода на Новгород), поэтому тенденции обоих московских сводов совпали, но описали они события 1471 г. по-разному.

Текстуальных совпадений между великокняжескими сводами и «Словесами избранными» нет. Исключением составляет одна фраза, вставленная в свод 1479 г. (Московский свод) и отсутствовавшая в своде 1472 г. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи), о том, что самый поход летом на Новгородскую землю был чудом, ибо «земля их многи воды имать около себе и езера великие, и реки, и болота многи и зело непроходимы», а ныне великокняжеские войска, «упование положиша на господя бога», решились на такой поход. Эта фраза явно перекликается с текстом аналогичного содержания в «Словесах избранных».⁶

⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 5.

⁶ Там же. С. 9; т. 25. С. 286.

Враждебны Новгородской республике были не только великокняжеские летописи и «Словеса избранные», но и другие общерусские летописи, но их изложение отличалось от великокняжеского и митрополичьего летописания.

Рассказ ростовского свода 80-х гг. (Типографская летопись) о походе 1471 г. по своему построению близок к рассказу великокняжеской летописи, хотя и не обнаруживает с ним текстуальных совпадений. Здесь также распря из-за владычного престола непосредственно связывается с Казимиром («... король же даст им князя Михаила Олельковича Киевского»), но содержится важное сообщение, что «князь же Михаил пребысть у них недолго время, и прииде ему весть, что брат его старейши, князь Семен, на Кieve преставися. Он же тое зимы поиде из Новгорода к Киеву».⁷

Софийская II и Львовская летописи поместили перед «Словесами избранными» иной рассказ о походе 1471 г. Рассказ этот враждебен Новгороду и обвиняет его в тайных сношениях с королем (еще до похода московских войск), но приход Михаила прямо с Казимиром не связывает, упоминая лишь, что новгородцы «и владыку хотяху в Кieve ставити, и князь Михаила Олелькова себе взяша». Рассказ содержит и очень интересное упоминание о том, какое важное значение придавал Иван III идеологическому обоснованию своего похода: «... спроси матери своей у великие княгини дьяка Степана Борода того, умеюща говорити по летописиом Русским: егда, рече, придут, и он възпоминает ему говорити противу их измены давние...». Текст приведенного рассказа несколько расходится во Львовской и Софийской II летописях: в Софийской II летописи он содержит явные вставки из текста ростовского свода 80-х гг. (Типографской); во Львовской летописи, по-видимому, дается более первоначальный текст.⁸ Какого происхождения рассказ этих летописей? Общий источник их — свод 1518 г., но в основе его лежал более ранний свод 80-х гг. XV в., оппозиционный по отношению к великокняжеской власти. Более вероятно принадлежность враждебного Новгороду рассказа к своду 1518 г., но не исключено и более раннее его происхождение: московский летописец 80-х гг. XV в., даже не сочувствовавший политике Ивана III, принимал уже в общем ту версию о событиях 1471 г., которая утвердилась в Москве после Шелонской битвы.

Еще меньшую зависимость от официальной традиции обнаруживает свод, составленный, очевидно, вскоре после 1472 г. в Кирилло-Белозерском монастыре и отразившийся в Ермолинской летописи, Сокращенных сводах конца XV в. и отчасти в Устюжской летописи.⁹ Здесь совсем нет упоминаний о поведении Борецких, о борьбе

⁷ Там же. Пг., 1921. Т. 24. С. 188—192.

⁸ Там же. Т. 20, 1-я пол. С. 282—283; т. 6. С. 191—194. — Из ростовского свода (Типографской летописи) в Софийской II летописи, по-видимому, взято известие об отъезде Михаила Олельковича, о том, что новгородцы перед битвой говорили «словеса хульная», и др. Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 226—227.

⁹ Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 168—209.

из-за владычного престола, сношениях новгородцев с Казимиром и приезде Михаила Олельковича. Летописец отнюдь не сочувствовал Новгороду и заявил, что «езде бо бог помогаше великому князю за его исправление», но позицию его определяло, очевидно, не осуждение внешней и церковной политики Новгорода, а враждебные действия новгородцев на Двине против северных владений Москвы, к которым принадлежали близкие летописцу белозерские и устюжские земли. Не скрывал северный летописец и жестокого поведения Ивана III по отношению к побежденным новгородцам: «...а посадников приведоша к великому князю, он же, разъярився за их измену, и повеле казнити их: кнутом бити и главы их отсеши».¹⁰

Псков был союзником Москвы во время похода 1471 г., но из псковских летописей подробный рассказ о событиях содержит лишь Псковская 3-я летопись, доведенная до середины XVI в., хотя и опирающаяся, видимо, на более ранние своды. В Псковской 1-й летописи рассказа о событиях 1471 г. вообще нет: наиболее древний ее список (Тихановский) доведен до 6977 (1469) г., а продолжение его (в Погодинском списке) как раз пропускает изложение 6978 (1470) и 6979 (1471) гг. В Псковской 2-й летописи, доведенной до 6994 (1486) г., под 6978 (1470) г. без всяких комментариев сообщается о смерти владыки Ионы и избрании Феофила, а под 6979 (1471) г. поход Ивана III мотивировался тем, что великий князь «хотя отместити Великому Новгороду древняя нечести и многа грубости»; о сущности же этих «нечестей» и «грубостей» летопись умалчивает, ссылаясь на общерусское (очевидно, великокняжеское) летописание: «О сем аще хочеше уведати, прошед Русский летописец, вся си обрящеши». В конце рассказа упоминается жестокая расправа над побежденными новгородцами: «...к великому князю приведоша, и немилостиво казнившие их, и секирою отсеки им главы, к колоде прикладая».¹¹ Подробный рассказ о походе 1471 г. содержится лишь в Псковской 3-й летописи, но, хотя здесь утверждается, что «приехал в Новгород на стол князь Михаил Олельковичь князей киевских ис королевы руки новгородци испросен», приезд его никак не связывается со спором о владычном престоле и обвинениями в «латинстве». Более того, летописец точно указывает, что Михаил приехал в Новгород 8 ноября 6979 г. (т. е. в ноябре 1470 г.), через три дня после того как скончался («ноября в 5») архиепископ Иона. А это значит, что Михаил был приглашен в Новгород еще при прежнем владыке Ионе — без такого приглашения он не мог бы за три дня спешно собраться и прибыть в Новгород. Соответственно и об избрании жребием нового владыки летописец сообщает после известия о приезде Михаила, подробно перечисляя кандидатов — не

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 159 (Ермолинская летопись); т. 27. С. 277 и 351 (Сокращенные своды). — В двух видах Сокращенных сводов, опубликованных в ПСРЛ, упоминается пребывание «Михаило Оленковича» в Новгороде, но в древнейшем Соловецком виде этой летописи (ГПБ, Соловецк. собр., № 922/1032), как и в Ермолинской и Устюжской (ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 47 и 92—93) летописях, этого упоминания нет — очевидно, в протографе его не было.

¹¹ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 54—55. Ср.: М., Л., 1941. Вып. 1. С. 73—

только Пумина (Пимена) и Феофилакта (Феофила), но и Варфонофия (Варфоломея). После этого говорится (без всякого объяснения) о расправе над неудачливым кандидатом Пименом и о том, что брат Михаила Олельковича, «князь Семеон Киевский», умер, «честно боронив отчину свою град Киев от сильней себе ординских царей и от татар». Только потом летописец сообщает о предложении Ивана III псковичам: «...аже ми не добить челом Великой Новгород о моих старинах, тогда бы есте моя вотчина Псков послужил мне великому князю на Великий Новгород за мои старины». В чем заключались эти претензии по поводу «старин», ничего не говорится. Далее, после ряда других известий читается еще одно важное сообщение. 15 марта 6979 (1471) г., т. е. до объявления Иваном III войны Новгороду и похода на него, «выеха из Новгорода князь Михайло Киевски, а поеха на Киев, на свою вотчину».¹²

Единственный летописный рассказ, противостоящий всем промосковским версиям событий 1471 г., — рассказ Новгородской IV летописи (Строевский список). Рассказ этот совершенно не связывает церковные дела и приезд Михаила с московско-новгородской войной. О смерти Ионы, избрании Феофила и приезде «тоже осени» Михаила Александровича сообщается под 6978 (1470) г. (но без таких точных дат, как в Псковской 3-й летописи), о «нелюбии» и походе Ивана III на Новгород — под 6979 (1471) г. Редакция Новгородской IV, содержащая этот рассказ (Строевский список), доведена до 6985 (1477) г. и, следовательно, составлена не менее чем через пять лет после поражения. Она вовсе не ставила себе целью полемику с другими летописными рассказами. Победу великого князя она воспринимала как «напасти» и «печаль», но никаких контробвинений против него не выставляла и осуждала только изменников Новгородской республики — «перепетников».¹³ Рассказ Строевского списка Новгородской IV читается в летописном своде, доведенном до 6985 (1477) г., по-видимому, в последнем независимом новгородском своде. Отразился этот рассказ еще только в Устюжской летописи — в соединении с текстом северного (Кирилло-Белозерского) свода, читающимся в Ермолинской летописи и Сокращенных сводах.¹⁴ Более поздняя Новгородская Хронографическая летопись отказалась от первоначального новгородского рассказа, полностью заменив его рассказом северного свода.¹⁵

Излагая историю войны 1471 г., историки в основном опирались на враждебные Новгороду источники. Именно на этих источниках строилась основная схема рассказа: борьба сторонников Казимира и киевского митрополита-«латинянина» с верными великому князю

¹² Там же. Вып. 2. С. 172—185.

¹³ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 127—129; 2-е изд. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 446—449.

¹⁴ Там же. Т. 37. С. 47, 92—93. — Из Новгородской IV летописи взято сообщение Устюжской летописи о неудачной попытке новгородского посла в Литву через Немецкую землю; подробности, добавлены устюжским летописцем: «...местер не пропустил посла, вороня великому князю... И слышав то князь великий, что новгородцы послали в Литву, задаются за короля...»

¹⁵ Там же. Т. 4. С. 150.

новгородцами—соглашение приверженцев Марфы Борецкой с Казимиром—приезд Михаила Олельковича—война и победа на Шелони.¹⁶

Польский историк Ф. Панэ впервые обратил внимание на то, что Михаил Олелькович вряд ли мог прийти в Новгород по воле Казимира, так как отношения между ними были отнюдь не дружественными, и что договор Новгорода с польско-литовским королем, сохранившийся в одном из московских рукописных сборников, отсутствует в своде документов Казимира — в Метрике Литовской; он пришел к выводу, что договор этот представлял собой лишь новгородский проект, не получивший утверждения короля.¹⁷ К. В. Базилевич согласился с тем, что отношения между Михаилом Олельковичем и Казимиром были скорее враждебными, чем дружественными, но отверг мнение Панэ о договоре с Казимиром как о неосуществленном проекте. Не связывая этот договор с посольством Панфила Селфонтова и Кирилла Иванова, предшествовавшим, согласно великокняжеской летописи, приезду Михаила Олельковича, К. В. Базилевич относил заключение договора с Казимиром и возвращение новгородских послов из Литвы ко времени после отъезда Михаила — к апрелю—маю 1471 г.¹⁸ Хронологическую схему К. В. Базилевича принял в основном и В. Н. Бернадский: он также считал, что переговоры с Казимиром, «завершившиеся подписанием договорной грамоты», проходили после пребывания Михаила в Новгороде. Но договор с Казимиром он рассматривал как «нажнейший документ», бывший «беспрецедентным актом в истории Новгорода» и приведший к походу Ивана III летом 1471 г.¹⁹ В отличие от В. Н. Бернадского Л. В. Черепнин не согласился с мнением К. В. Базилевича, что «Михаил Олелькович был приглашен новгородцами независимо от Казимира», хотя и не высказал каких-либо конкретных возражений против аргументов своего предшественника: «тайное посольство» новгородцев к Казимиру, приглашение Михаила Олельковича и «церковное подчинение Литве» Л. В. Черепнин рассматривал как неразрывно связанные между собою звенья единой политики разрыва «мирных отношений с московским великим князем». ²⁰ Ю. Г. Алексеев также считает «обращение к Казимиру и приглашение Олельковича» результатом «деятельности литовской партии» — «партии Борецких». ²¹

¹⁶ Не разбирая здесь дореволюционной историографии вопроса, отметим, что даже Н. И. Костомаров, несмотря на его известные «проновгородские» симпатии, излагал события 1471 г. по этой же схеме (Костомаров Н. Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевых укладов. СПб., 1863. Т. 1. С. 161—196).

¹⁷ *Parce Fr. Polska i Litwa na przełomie wieków średnich.* Kraków, 1904. Т. 1. Р. 38—40.

¹⁸ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 92—96.

¹⁹ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 270—273.

²⁰ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 855—856.

²¹ Алексеев Ю. Г. Москва и Новгород накануне Шелонского похода // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. 3 (13). С. 92—94.

Характеристика договора с Казимиром как неосуществленного проекта была принята А. А. Зиминим. Он предполагал, что договор был составлен около июня 1471 г., упоминая в связи с этим, что договор «попал в руки Ивана III во время Шелонской битвы, когда он, по сообщению летописи, найден был на поле боя „в кошевых выюках“». ²² Согласилась с определением договора как проекта А. Л. Хорошкевич, отметившая также, что никакого единства действий между Олельковичами (Михаилом и братом его Семеном) и Казимиром не существовало. ²³ Оба исследователя специально не занимались рассмотрением летописных рассказов о походе 1471 г. как источников.

Главный вопрос, возникающий при разборе этих рассказов, заключается в том, существовало ли накануне и во время войны 1471 г. соглашение между Новгородом и Казимиром. Считая это соглашение реальным фактом, исследователи опираются не только на летописные рассказы, но и на источник, имеющий документальный характер, на уже упомянутый договор между польско-литовским государем и Новгородом. ²⁴ Что же представляет собой этот документ? Он дошел до нас в единственном списке — сборнике новгородских и двинских грамот, составленном в конце XV в. несомненно в Москве: новгородский архив XV в., как убедительно показал Л. В. Черепнин, не сохранился. ²⁵ Неофициальный характер этого договора виден уже из того, что, упоминая «короля польского и князя великого литовского» (Казимира), с которым заключено соглашение, договор даже не называет его имени.

Договор в сборнике сопровождается заголовком «Список с докончанные, что были написаны себе новгородци с королем лета восьмидесять девятого». Но вопреки К. В. Базилевичу эта запись никак не может считаться доказательством того, что «в руках составителей сборника находился список с утвержденной новгородской грамоты». Заголовок, сделанный составителем сборника, очень странен и вызывает как раз серьезные недоумения. ²⁶ «Восьмидесять девятый год» — это 6989 (1481) г., когда Новгород был уже окончательно присоединен к Москве. Если бы эта запись была верна, то договор следовало бы относить совсем к иному, более позднему времени. В 6988 (1480) г. Иван III действительно арестовал и сослал в Москву новгородского архиепископа Феофила — того самого, за интересы которого он якобы выступал во время похода 1471 г. Об этом заточе-

²² Памятники русского права. М., 1953. Вып. II. С. 260. — Дата эта подтверждается наблюдениями В. Л. Янина, отметившего, что в договоре упоминается степенный тысяцкий Василий Максимович, занимавший этот пост с февраля по август 1471 г. (Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 294).

²³ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 78.

²⁴ РО ГПБ, ОРК, 0.IV.14, л. 23—27 об.; ГВНП. М.; Л., 1949. № 77. С. 129—132.

²⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 334—354.

²⁶ РО ГПБ, 0.IV.14, л. 23; ГВНП. № 77. С. 129. — Базилевич цитировал этот заголовок неточно: «... лета седмдесят девятого» (Базилевич К. В. Внешняя политика... С. 93), — опираясь на неверное указание в ЛАЭ (СПб., 1836. Т. 1. С. 64).

нии и ссылке без всякой мотивировки сообщают великокняжеские московские и Псковская летописи; мотивировка ареста Феофила, впрочем достаточно фантастическая, приводится лишь в ростовском архиепископском своде — Типографской летописи: «Не хотяше бо той владыка, чтобы Новгород был за великим князем, но за королем или за иным государем...».²⁷ Не должен ли был договор 6989 г. из Московского архива подкрепить это обвинение? Но как могли в 1481 г. новгородцы писать о войне и возможном примирении с Иваном III («А умиришь, честны король, Новгород с великим князем...»)? Это явно не согласуется с заголовком договора. Значит ли это, что данный текст представляет собой фальшивку, созданную в великокняжеской канцелярии не в 6989 (если считать эту дату опусковой), а в 6979 (1471) г.? Едва ли; будь это так, «измену» новгородцев можно было бы изобразить куда определеннее. Между тем договор предоставляет польско-литовскому государю весьма урезанные права и охраняет новгородские вольности.²⁸ Очевидно, перед нами действительно проект договора, составленный в Новгороде в 1470—1471 гг. Но как уточнить эту дату? Рассказ великокняжеской летописи относит посольство к королю «Ганфила Селифонтова да Кирила Иванова сына Макарина» ко времени спора из-за архиепископского престола и изображает приезд Михаила Олельковича как ответ на эту миссию. Ганфил Селифонтов и Кирилл Иванов как представители Новгорода названы и в проекте договора. Но перед приездом Михаила в ноябре 1470 г. договор составлен быть не мог: в нем, как мы уже отмечали, упоминается война с Иваном III, начавшаяся в июне—июле 1471 г. В «Словесах избранных» утверждалось, что «списки» «новгородского докончания» были найдены у новгородцев в «кошевых выюках» во время Шелонской битвы 14 июля 1471 г. О двукратных соглашениях новгородцев с Казимиром ни один источник ничего не говорит; очевидно, речь идет о тех же самых переговорах, по-разному датированных в обоих источниках.

В высшей степени подозрительна официальная версия о Борецких как главных противниках великокняжеской власти и об их связи с Михаилом Олельковичем.²⁹ Вплоть до 1471 г. ни одна летопись не сообщает о столкновениях семейства посадника Исака Борецкого (мужа Марфы) с Василием II или Иваном III. Напротив, в 6961 (1453) г. Исаак Борецкий, согласно Ермолинской летописи, выступал в роли агента Василия II, участвовавшего в отравлении злейшего врага Василия — Дмитрия Шемяки.³⁰

²⁷ ПСРЛ. Т. 24. С. 198; ср.: там же. Т. 25. С. 305; Псковские летописи. Вып. 2. С. 58, 219.

²⁸ Ср.: Берницкий В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 272.

²⁹ Единственное известие, непосредственно связывающее Михаила Олельковича с Борецкими и заодно имеющее целью объяснить отъезд Михаила из Новгорода еще до начала войны с Москвой, читается в источнике, отстоящем от событий 1471 г. почти на сто лет, — в Степенной книге, где утверждалось, что Михаил поссорился с Марфой Борецкой (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. С. 534). Но это типичный для Степенной книги XVI в. псевдоисторический вымысел (ср.: История русской литературы. В 4-х тт. Л., 1980. С. 255—258).

³⁰ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 155.

Еще труднее объявить врагами Москвы князей Семена и Михаила Олельковича. Оба они были вассалами и родичами Казимира (правнуками Ольгерда), и в связи с этим польские и литовские хроники считали Михаила, как и других литовских князей, княживших в Новгороде, наместником, «префектом», короля в Новгороде. Но вместе с тем он (как и Семен) был двоюродным братом Ивана III — сыном сестры Василия Темного Анастасии, помогавшей брату в борьбе за престол. Как же относился Казимир к приходу Михаила в Новгород? Гюльский хронист Длугош и литовская Хроника Быховца вообще не сообщают о событиях в Новгороде в 1471 г.; о «префекте» Михаиле упоминается лишь в связи с его последующей неудачной попыткой завладеть Киевом. Новгород же Длугош упоминает только под 1479 г. как край, принадлежавший литовским князьям, но «покинутый» Казимиром, в связи с чем его и присоединил Иван III, обещавший якобы за это уплатить королю крупную сумму денег (русские летописи никогда не упоминали о таких, очевидно, фантастических переговорах). Во всяком случае решение Казимира в 1479 г. не вмешиваться в московско-новгородские дела представляется Длугошу мудрым.³¹ Враждебность Казимира Михаилу Олельковичу, которого он отказался после смерти его брата Симеона Олельковича в 1470 г. назначить в Киев даже наместником, мотивировалась именно тем, что эта ветвь литовской великокняжеской фамилии, будучи православной, поддерживала связи с Северо-Восточной Русью: уже дед Семена и Михаила, согласно литовской Хронике Быховца, «бегал на Москву и там пробегал отчизну свою Киев». ³² В 6959 (1451) г., по известию московской великокняжеской летописи, «был на Москве князь Семен Олелькович у бабы своей Софии и у князя Василия, у дяди своего». ³³ Спустя 10 лет, в 1481 г., Михаил Олелькович был казнен Казимиром за заговор в пользу Москвы. Из русских источников об этой казни сообщил только оппозиционный свод, сохранившийся в Софийской II и Львовской летописях, ³⁴ великокняжеская летопись умолчала о ней.

Переговоры Новгорода с Казимиром естественно поэтому отнести не ко времени перед приездом Михаила, а к более позднему этапу, когда уже началась война с Иваном III. Об этом свидетельствует и упоминание в проекте договора о необходимости примирения с великим князем. Ко времени войны и Шелонской битвы относят переговоры с Казимиром и единственный новгородский источник — Новгородская IV летопись: «И послаша новгородцы посла в Литву, чтобы король всел на конь за Новгород, и посол ездил кривым путем в Немци до князя Немецкого до местера и възвратися

³¹ Dlugosz J. Opera omnia. Kraków, 1870. Т. VI. S. 515, 657—658 (польский текст); 1878. Т. XIV. S. 547, 657—658 (латинский текст).

³² ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 162—173 (Хроника Быховца); ср. с. 90 (Хроника литовская и жмойтская). — Ср. известие Супрасльской летописи 6915 (1407) г. о князе «Лыквене» (Лугвене), пришедшем в Новгород из Литвы (ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 54).

³³ ПСРЛ. Т. 26. С. 210.

³⁴ Там же. Т. 6. С. 233; т. 20, 1-я пол. С. 348.

в Новгород, глаголяще, яко местер не даст пути чрез свою землю в Литву ехать». В Устюжской летописи говорится еще, что «князь местер не пропустил посла, норовя великому князю». ³⁵ Верность этих сообщений подтверждается ливонскими источниками. Как раз в августе 1471 г. ливонский магистр обсуждал обращение к нему новгородских послов в связи с войной, которую вел против Новгорода «московский король» и Псков, но соглашался помочь Новгороду только в случае возвращения Ливонии спорных псковских территорий и требовал предварительных переговоров и соглашения. ³⁶ Но все эти дипломатические хитросплетения уже запоздали — в августе 1477 г. Новгород капитулировал и заключил Коростынский договор с великим князем.

Проект договора новгородцев с Казимиром, таким образом, никак не был связан с приездом Михаила Олельковича в Новгород в 1470 г. Был ли этот договор действительно захвачен как трофей у новгородцев, разбитых на Шелони? Л. В. Черепнин и А. А. Зимин ³⁷ принимали с доверием известие «Словес избранных». Но оно вызывает серьезные сомнения: для чего было новгородцам, идущим в бой против московских войск, брать с собой этот проект договора с королем? Находка на поле боя у побежденных вратов-компрометирующих их документов — скорее литературный мотив, чем исторический факт. Этот мотив уже встречался в летописании: в Повести о битве на Липице в 1216 г., содержащейся в Софийской I летописи, несомненно знакомой составителю «Словес избранных», рассказывалось как раз о том, что смольняне, одержавшие под предводительством Мстислава Удалого победу над Юрием и Ярославом Всеволодовичами, «взяли на победе в станех Ярославлих» грамоты, разоблачающие замыслы Юрия и Ярослава. ³⁸ Иван III мог, естественно, добыть текст договора с Казимиром иным, менее эффективным путем (например, через своих сторонников в Новгороде), и не случайно этот проект был помещен в одном сборнике с не менее разоблачительным документом — договором между князьями можайским и серпуховским, бежавшими в Литву и стремившимися вернуть свои уделы, присоединенные Иваном III. ³⁹

Проект договора с Казимиром был, очевидно, использован великокняжескими книжниками и выставлен как основание для похода

³⁵ Там же. Т. 4. С. 128; 2-е изд. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 447; т. 37. С. 92.

³⁶ См. Грамоту ливонского магистра гроссмейстеру Немецкого ордена 13 августа 1471 г.: Liv-Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Riga, Moskau, 1910. Bd 12. 1 te Abt. S. 478—480. N 840; ср.: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975. С. 145—146. — Мисине Ю. Г. Алексеева, что «к весне 1471 г. проявляются контуры политической (если не военной) коалиции Литвы, Ордена и Новгорода» (Алексеев Ю. Г. Москва и Новгород. С. 96), представляется чисто умозрительным и не подтверждается источниками.

³⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. С. 344—345; Памятники русского права. Вып. II. С. 260.

³⁸ ПСРЛ. Л., 1925. 2-е изд. Т. 5, вып. 1. С. 196.

³⁹ ДДГ. М.; Л., 1950. № 68. С. 199—201. — В этом издании по недоразумению указан неверный рукописный шифр этого памятника — «сб. № Q-XVII-58, л. 18 об.—21». В действительности в сборнике ГПБ, Q.XVII.58 этой грамоты нет, а в сборнике О.IV.14 она читается как раз на л. 18 об.—21 об.

на Новгород задним числом. Гораздо серьезнее другое обоснование похода, данное официальным московским летописанием, — споры о церковных делах. В сущности мы почти ничего не знаем о церковной политике русских земель после Флорентийской унии. Сразу после возвращения из Флоренции митрополит Исидор, подписавший унию, во всяком случае не был низложен московским великим князем, напротив, он успел еще скрепить своим благословением московско-тверской договор 1439 г. ⁴⁰ Как это ни неожиданно, первые сообщения об отказе великого князя признать унию появляются в новгородских летописях, а наиболее ранняя московская летопись того времени (Софийская I младшей редакции) об этом отказе ничего не сообщает. ⁴¹ Вопрос о том, какого именно из иерархов, претендовавших на роль «митрополита всея Руси», будет признавать новгородский архиепископ, приобрел остроту после падения Константинополя в 1453 г.

Позиция новгородского владыки Ионы в спорах между московским митрополитом, поставленным без санкции Константинополя в 1448 г., и его соперником, киевским «митрополитом всея Руси» Григорием, принявшим этот сан в 1459 г., была сложной и противоречивой. Когда в 1459 г. русские епископы составили соборную грамоту и обратились к своим западнорусским собратьям (епископам черниговскому, смоленскому, полоцкому и другим) с призывом не признавать киевского митрополита Григория, новгородский владыка Иона (как и его тверской брат) в этом соборе и обращении не участвовал. ⁴² Противоречивые и порой враждебные отношения между новгородским владыкой и московскими властями (светскими и церковными) получили отражение в интереснейшем фрагменте новгородского летописания за 6955 (1447)—6977 (1469) гг., дошедшем в составе западнорусской Летописи Авраамки и во многом отличающемся от более краткого текста Новгородской IV летописи. Противоречия особенно обострились после устранения Иваном III митрополита Феодосия в 1464 г. и поставления на его место митрополита Филиппа. ⁴³ Характерно, что Летопись Авраамки, называвшая Феодосия, воздававшего «честь» новгородскому владыке Ионе, «благоумным и честным», имени Филиппа даже не упоминала.

Вплоть до 1467 г. московский митрополит мог отвергать законность своего киевского соперника на том основании, что его поставил константинопольский патриарх, бежавший в Рим и ставший униятом, «латинянином». Но в 1467 г. киевский митрополит Григорий, отрекшийся от унии, был признан патриархом Дионисием, пребывавшим не в Риме, а в завоеванном турками Константинополе. И тогда же Дионисий осудил московского митрополита как раскольника и отправил об этом грамоту «до всея Русское земли и до Великого

⁴⁰ ДДГ. № 37. С. 105—106.

⁴¹ Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 421—422; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 37; ср.: там же. СПб., 1851. Т. 5. С. 267.

⁴² РИБ. СПб., 1880. Т. VI. № 83—84. Стб. 627—634.

⁴³ Ср.: там же. № 100—101. Стб. 707—722; ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 205, 211—212.

Новгорода». ⁴⁴ Таким образом, вопрос о позиции новгородского владыки был в 1470 г., после смерти Ионы, действительно весьма острым, хотя декларативное обвинение литовского «митрополита всея Руси», а следовательно, и его новгородских сторонников в «латинстве» оказывалось сугубо сомнительным ввиду позиции константинопольского патриарха. Насколько мало опасность «латинства» беспокоила самого великого князя, новгородцы смогли убедиться год спустя, когда в Псков и Новгород явилась «из Рима царица... и поехала в Москву за великого князя...». ⁴⁵ Зоя (Софья) Палеолог была даже не униаткой, а чистой «латинянкой», воспитанницей римского папы, и сопровождал ее папский нунций Бонумбре, «владыка... не по чину нашему облачен... не имея же поклонения к святым иконам и креста на себе рукою не перекрестяся...». ⁴⁶

Присоединение Новгородской земли стоит в ряду тех исторических фактов, которые знаменовали собой создание единого Русского государства, так же как присоединение ярославских земель в начале княжения Ивана III или Твери, Рязани и Пскова в конце XV—начале XVI в. Но видеть главную причину похода 1471 г. в новгородской «измене» и «латинстве» можно лишь в том случае, если следовать тенденциозной и противоречивой версии официального московского летописания. К ссылке на сношения с литовским государем Иван III прибегал лишь при завоевании Твери в 1485 г., и то гораздо сдержаннее и лаконичнее, чем в 1471 г.; ⁴⁷ для объяснения присоединения Ярославля, Рязани и Пскова этот аргумент совсем не понадобился. Конечно, между Москвой и Новгородом после Яжелбицкого мира не раз возникали противоречия и споры, но менее всего они были связаны с Литвой и «латинством». Столкновения определялись покушениями Новгорода на двинские земли, но в еще большей степени откровенным нарушением Москвой одного из главных условий Яжелбицкого мира: признав в 1456 г. Волок и Вологду «волостями новгородскими», ⁴⁸ Василий II не затруднился менее чем через пять лет завещать их своим сыновьям в качестве удельных княжеств.

Новгородская республика пала не из-за зловерной деятельности «литовской партии» Борецких. О подлинных причинах поражения Новгорода наиболее убедительно свидетельствует последняя независимая новгородская летопись — Новгородская IV. Перед нами как раз тот наиболее важный для источниковеда случай, когда источник «сообщает сведения, противоречащие основной его тенденции». ⁴⁹ Новгородская IV летопись, естественно, вовсе не сочувствовала великому князю — она осуждала «переветника» Упадыша, помо-

⁴⁴ Шапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Т. II. Прил. № 52. С. 145—147; ср.: Белкова Е. В. К истории учреждения автокефалии русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 152—159.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 4. С. 130.

⁴⁶ Псковские летописи. Вып. 2. С. 190.

⁴⁷ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 271.

⁴⁸ ГВНП. № 22—23. С. 40.

⁴⁹ Ср.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. II. С. 642.

гавшего великому князю и «заколачивавшего» новгородские пушки, сочувствовала «меньшим людям» и осуждала «лутших» за то, что они «приведоша великого князя на Новгород». Но и она не могла не признать, что во время войны в Новгороде не было единства; люди отказывались идти в бой, говоря: «...яз человек молодой, испростерялся конем и доспехом».

Именно в этом была историческая неизбежность поражения Новгородской республики и победы Ивана III в 1471 г. Официальное объяснение похода 1471 г., данное великокняжеской властью, носило сугубо пропагандистский характер — речь шла о поводе, а не о действительной причине похода.

Б. В. САПУНОВ

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ УГЛИЧСКОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА

В полдень 15 мая 1591 г. на Заднем, или Царицыном, дворе Угличского кремля при невыясненных до сих пор обстоятельствах скоропостижно скончался последний сын Ивана IV — царевич Дмитрий Иванович. Смерть восьмилетнего ребенка прошла бы относительно незаметно, если бы последующие события не вызвали к ней стойкий и длительный интерес. В 1605 г. тень царевича воплотилась в Лжедмитрии, а угличская драма стала прологом национальной трагедии, едва ли не поставившей страну на грань катастрофы.

Официальную версию угличских событий дала Следственная комиссия, возглавленная князем В. И. Шуйским. ¹ Она утверждала, что царевич зарезал себя сам в припадке «падучей» болезни, а Нагие убили в Угличе «измену», которая привела к вооруженному восстанию горожан. До конца XVI в. эта версия продолжала оставаться официальной. В наказе Р. М. Дурову, который весной 1592 г. должен был встречать литовского посланника Павла Волка, угличские события налагались по Следственному делу. Когда отошли в прошлое потрясения Смутного времени, общественная мысль, официальная государственная доктрина и народное самосознание твердо придерживались иной точки зрения — царевич Дмитрий был зарезан по указу Б. Ф. Годунова. Второй и третий тезисы комиссии об «измене» Нагих и мятеже в Угличе на фоне бурных событий начала XVII

¹ Следственное дело об убийстве царевича Дмитрия Иоанновича, произведенное в Угличе по повелению государя царя Феодора Иоанновича боярином князем Василием Ивановичем Шуйским, окольным Андреем Петровичем Клешиным и дьяком Елизарием Вылузгиным. Писано 1591 года, в мае... // СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 60. С. 103—123; Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. / Изд. подг. В. Клейн. М., 1913. (Записки Московского археологического института; Т. XXV); Князьков С. Малоизвестные копии Угличского следственного дела // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 201—203.